

Наука международного частного права в Китае, Латинской Америке и мусульманских странах (общие положения) The Science of Private International Law in China, Latin America, and Muslim Countries (General Provisions)

Андрей Анатольевич Шулаков,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного частного права
имени Г.К. Дмитриевой Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Россия
docent-law@rambler.ru

Andrey A. Shulakov,
Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Private International Law
named after G.K. Dmitrieva of the Kutafin Moscow
State Law University (MSAL),
Moscow, Russia
docent-law@rambler.ru

© Шулаков А. А., 2026

DOI: 10.17803/2587-9723.2026.9.1.045-049

Аннотация. Статья посвящена анализу доктринальных и законодательных особенностей международного частного права (МЧП) в Китае, Латинской Америке и мусульманских странах. Рассматривается эволюция китайской науки МЧП от изоляционизма к политике открытых дверей, в которой ключевую роль сыграла теория «одного тела и двух крыльев» профессора Хан Деpei, а принятие Закона 2010 г. ознаменовало процесс китаизации права. Исследуется также уникальный феномен латиноамериканской школы — Кодекс Бустаманте 1928 г., его структура и классификация норм, обеспечившие его долголетие.

В статье раскрывается влияние мусульманской доктрины на примере Гражданского кодекса Египта 1948 г., демонстрирующего синтез шариата и европейских традиций.

Делается вывод о многообразии путей формирования МЧП в незападных правовых системах, сочетающих национальные традиции с международными стандартами.

Ключевые слова: международное частное право, публичный порядок, коллизионное право, Хан Деpei, теория «одного тела и двух крыльев», Закон КНР «О применимом праве в гражданских правоотношениях, осложненных иностранным элементом» (2010), китаизация права, Кодекс Бустаманте, мусульманское право, Абд-эль-Раззак аль-Санхури

Abstract. This article analyzes the doctrinal and legislative peculiarities of private international law (PIL) in China, Latin America, and Muslim countries. It examines the evolution of Chinese PIL scholarship from isolationism to the Open Door policy, where Professor Han Depei's "one body and two wings" theory played a key role, and the adoption of the 2010 Act marked the process of legal "Sinicization." The second part explores a unique phenomenon of the Latin American school — the Bustamante Code of 1928, its structure, and classification of rules that have ensured its longevity.

The third part reveals the influence of Muslim doctrine, using the Egyptian Civil Code of 1948 as an example, which demonstrates a synthesis of Sharia and European traditions.

The conclusion is drawn about the diversity of paths in the formation of PIL in non-Western legal systems, combining national traditions with international standards.

Keywords: private international law, public policy, conflict of laws, Han Depei, "One Body and Two Wings" theory, Law of the People's Republic of China on the Law Applicable to Civil Relationships Involving Foreign Elements (2010), "Sinicization" of law, Bustamante Code, Islamic law, Abd el-Razzaq el-Sanhuri

Наука международного частного права в Китае

Исторически развитие международного частного права в Китае происходило в условиях, которые сегодня можно охарактеризовать как сдерживающие факторы. Долгое время доминирующие правовые и политические установки делали обращение к иностранным правовым нормам затруднительным как для судов и государственных органов, так и для научной теории. К числу ключевых причин сложившейся ситуации относятся длительная изоляционистская политика и опыт применения иностранной консульской юрисдикции в XIX в. Кроме того, сама концепция коллизии законов во многом оставалась чужеродной для традиционного китайского правосознания, ориентированного на иные, неконфликтные способы регулирования.

Формирование современного законодательства КНР в сфере международного частного права в русле политики открытых дверей началось с 1980-х гг. Принятые в тот период законы стали ответом на потребности развивающегося международного сотрудничества. В китайской доктрине сложились различные подходы. Такие авторитетные ученые, как Ияо Хуанг, Рен Лишэнг и Лю Динг, обосновывали широкую трактовку МЧП, охватывающую все правоотношения с иностранным элементом (теория «большого» МЧП). Альтернативную позицию занимал Ли Хоа Пей, который отстаивал понимание МЧП как сугубо коллизионного права (теория «малого» МЧП).

В современный период международное частное право Китая сделало огромный шаг вперед, ориентируясь во многом на достижения западной науки и практики. Почетный президент Китайского общества международного и международного част-

ного права, создатель современной китайской системы международного частного права профессор Хан Дупей (1911—2009) считал, что развитие международного частного права в Китае должно учитывать международную ситуацию, а также развитие гражданских и торговых отношений.

В современный период в Китае широко принята теория «одного тела и двух крыльев», предложенная профессором Хан Дупей. В соответствии с этой теорией международное частное право, подобно самолету, включает фюзеляж (тело) и два крыла. Тело — это коллизионное право, единое материальное право и законы, которые государство непосредственно применяет к гражданско-правовым отношениям, связанным с иностранными государствами. Одно из двух крыльев — вопросы гражданства и правового статуса иностранцев; другое крыло — процедуры международного гражданского судопроизводства и арбитража для разрешения споров в случае их возникновения, включающие юрисдикцию, судебную помощь, а также признание и исполнение иностранных судебных и арбитражных решений.

Основываясь на доктрине профессора Хан Дупей об «одном теле и двух крыльях», китайское юридическое сообщество выстроило теоретическую систему международного частного права с китайской спецификой и постепенно достигло консенсуса относительно сферы действия международного частного права, его объектов и методов регулирования¹.

Рецепция иностранных идей и иностранного законодательства идет в Китае достаточно осторожно и взвешенно. Это проявляется не только в объеме регулирования вопросов коллизий законов и международного гражданского процесса, но и в явном предпочтении китайским законодателем материально-правового регулирования.

Вместе с тем следует отметить, что Закон КНР «О применимом праве в гражданских правоотношениях, осложненных иностранным элементом» (2010)² в полной мере отражает современные тенденции развития международного частного

¹ Хэ Цишэн. Тридцать лет китайского международного частного права (1978—2008) // Международный юридический обзор CSSCI / Уханьский университет. 2010. № 1. С. 251—275. URL: <https://zk.faxin.cn/flqk/content.html?gid=F131307&libid=040103#Remark33> (дата обращения: 07.03.2026).

² Закон Китайской Народной Республики «О применимом праве в гражданских правоотношениях, осложненных иностранным элементом» [2010] // URL: <https://law.pkulaw.com/falv/7674d9626365d7e3bdfb.html> (дата обращения: 07.03.2026). Название Закона дается в соответствии с переводом доктора юридических наук, профессора Ван Чжихуа (Институт сравнительного правоведения при Китайском политико-правовом университете). См.: Вступительное слово //

права. Это находит выражение как в закреплении субсидиарного применения принципа наиболее тесной связи (ст. 2), так и в использовании материально-правового (смешанного) подхода при регулировании ряда институтов.

В качестве иллюстрации можно привести норму § 29 указанного Закона, касающуюся алиментных обязательств: в целях максимальной защиты интересов получателя содержания правоприменитель обязан осуществить выбор между правом страны обычного места жительства, правом государства гражданства или правом государства места нахождения основной части имущества управомоченного лица. Аналогичный механизм выбора применимого права предусмотрен законодателем и для отношений, складывающихся в сфере опеки (§ 30).

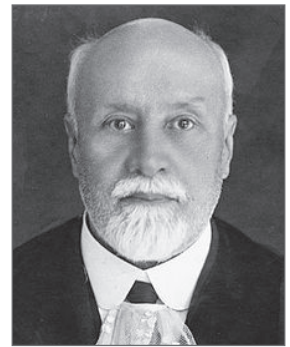
Согласно оценке профессора Сяо Юнпина (Уханьский университет), принятие и вступление в силу Закона КНР «О применимом праве в гражданских правоотношениях, осложненных иностранным элементом» послужило отправной точкой для нового исторического этапа в развитии китайского международного частного права. Вступление Закона в силу обусловило смещение акцента в научных исследованиях от преимущественного изучения и имплементации зарубежного опыта в сторону углубленного исследования, обобщения и совершенствования национальной правоприменительной практики и теоретических воззрений. Указанная трансформация, характеризующаяся как китаизация международного частного права, проявилась в его адаптации к решению актуальных задач, стоящих перед китайским обществом и государством, а также в стремлении к построению целостной китайской теоретической системы в данной сфере³.

Как отмечает известный китайский цивилист, доктор юридических наук, профессор Чжэцзянского университета Ху Миньфэй, принятие Закона КНР «О применимом праве в гражданских правоотношениях, осложненных иностранным элементом» ознаменовало собой важный этап в развитии китайского международного частного права. С точки зрения законодательной техники данный акт завершил переход от фрагментарного (разрозненного) регулирования к единому кодифицированному источнику. Что касается содер-

жательной части, то Закон не только восполнил существовавшие правовые пробелы, но и усовершенствовал ранее действовавшие нормы с учетом сложившейся судебной практики⁴.

Латиноамериканская школа международного частного права. Кодекс Бустаманте 1928 г.

Латиноамериканская школа международного частного права связана с именем видного кубинского юриста, политического деятеля и дипломата *Антонио Санчеса де Бустаманте-и-Сирвена* (1865—1951). Этим ученым был разработан Кодекс международного частного права (Кодекс Бустаманте), принятый 20 февраля 1928 г. в Гаване на VI Международной конференции американских государств в рамках Конвенции о международном частном праве⁵.

Уникальность Кодекса Бустаманте, действующего по сегодняшний день в неизменном виде для четырнадцати стран Латинской Америки (Боливии, Бразилии, Венесуэлы, Гватемалы, Гондураса, Гаити, Доминиканской Республики, Коста-Рики, Кубы, Никарагуа, Перу, Панамы, Сальвадора, Эквадора), заключается не только в его универсальности и объеме (437 статей), но и в оригинальной юридической технике⁶. В государствах региона, даже не инкорпорировавших Кодекс Бустаманте в национальное законодательство, он применяется и применялся *imperio rationis* (в силу признанной юридической целесообразности и доктринальной обоснованности).

Кодекс, состоящий из четырех книг, представляет собой детальную регламентацию вопросов коллизионного права в сферах гражданского и торгового оборота, а также устанавливает нормы, касающиеся международного гражданского процесса и международного уголовного права. Ключевой нормой, определяющей пределы применения *lex fori* и иностранного права, выступает

Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / отв. ред. перевода профессор Ван Чжихуа. М. : Проспект, 2025. С. 5.

³ Сяо Юнпин. Важная веха в законодательстве Китая о международном частном праве [27.07.2012]. China Law Society // URL: <https://www.chinalaw.org.cn/portal/article/index/id/21361/cid/136.html> (дата обращения: 07.03.2026).

⁴ Hu Minfei. An Analysis on the Law on Application of Law for Foreign-related Civil Relations and Its Judicial Interpretation. 2014. P. 87—111 // URL: <https://dms.donga.ac.kr/bbs/lawlab/2259/37758/download.do> (дата обращения: 19.11.2025).

⁵ Кодекс международного частного права (Кодекс Бустаманте 1928 г.) [принят в г. Гаване 20.02.1928] // Международное частное право : сборник документов / сост. К. А. Бекашев, А. Г. Ходаков. М. : Бек, 1997. С. 3—40.

⁶ Подписали, но не ратифицировали Кодекс Бустаманте: Аргентина, Колумбия, Мексика, Парагвай, Уругвай (см.: Международное частное право : сборник документов. С. 3—40).

статья 3 Кодекса, которая устанавливает классификацию всех норм международного частного права, подразделяя их на три категории: 1) нормы территориальные, или местного (международного публичного) порядка; 2) нормы личные, или внутреннего публичного порядка; 3) нормы автономные, или частного порядка.

Нормы местного (международного публичного) порядка обладают обязательной силой в отношении всех лиц, находящихся на территории конкретного государства, независимо от их гражданства. Статья 8 Кодекса, сформулированная как защитная (императивная) оговорка, придает данным нормам сверхимперативный характер: «Права, предоставляемые согласно правилам настоящего Кодекса, имеют полное экстерриториальное действие в договаривающихся государствах, кроме случаев, когда применение какого-либо из следствий или результатов противоречит норме международного публичного порядка».

К категории норм международного публичного порядка (ст. 4 и 5 Кодекса) отнесены конституционные положения, а также предписания государственного и административного права, направленные на охрану интересов личности и коллектива, если только из соответствующих постановлений не вытекает иное. В число указанных норм входят, в частности, положения, закрепляющие алиментные обязательства в отношении детей (ст. 59), регламентирующие процедуру признания лица безвестно отсутствующим (ст. 81), устанавливающие правила межевания и огораживания сельских земельных участков (ст. 120), а также запрещающие заключение соглашений, противных закону, нравственности и публичному порядку (ст. 175).

Нормы личные (внутреннего публичного порядка) определяют правовой статус лица на основе его domicilio или гражданства и сохраняют свое действие при перемещении лица в другое государство. К данной категории относятся, например, правила, согласно которым назначение наследника осуществляется в соответствии с личным законом завещателя (ст. 154), а определение полномочий ликвидатора или управляющего наследственным имуществом подчиняется личному закону наследодателя (ст. 162).

Нормы автономные (частного порядка) применяются в силу волеизъявления сторон, либо следуют из толкования воли сторон, либо презюмируются на основе их предполагаемого намерения. К числу таких норм, в частности, относятся правила, регулирующие легальные сервитуты, установленные в интересах частных лиц (ст. 134).

Мусульманское право и доктрина международного частного права

Мусульманская правовая доктрина в значительной степени затронула законодательство ряда стран Ближнего Востока. Одним из самых известных и развитых гражданских кодексов стран мусульманского права, причем и с точки зрения коллизионного права, является Гражданский кодекс Египта 1948 г.⁷

Автор ГК Египта, известный египетский ученый-правовед, профессор Абд-эль-Раззак аль-Санхури (1895—1971) участвовал в разработке конституций Кувейта, Сирии, ОАЭ, а также гражданских кодексов Сирии, Ирака, Иордании, Ливии, Торгового кодекса Кувейта.

Санхури пытался создать модернизированный шариат, используя для этого традиции американского и французского гражданского права.

Нормы международного частного права, закрепленные в Законе о гражданских сделках Объединенных Арабских Эмиратов (1985) и Гражданском кодексе Йемена (1992), испытали на себе значительное влияние египетского законодательства. Хотя материально-правовые и коллизионные положения Гражданского кодекса Египта в значительной степени ориентированы на право Франции и иных европейских государств, данный кодифицированный акт синтезировал в себе как доктринальные достижения различных правовых школ (толков) мусульманского права, так и правоприменительную практику национальных судов. Иллюстрацией этого синтеза выступает статья 13 Кодекса, устанавливающая: «Развод, даваемый мужем жене, подчиняется закону гражданства мужа на момент его совершения, тогда как расторжение брака и разлучение подчиняются закону мужа на момент подачи искового заявления».

С точки зрения иерархического соотношения светских и религиозных предписаний примечательна статья 24, корреспондирующая с правилом ст. 1 ГК Египта. Согласно данной норме, «при отсутствии законодательного предписания судья выносит решение на основе обычая, а при отсутствии обычая — в соответствии с принципами мусульманского права. В случае отсутствия таковых подлежат применению принципы естественного права и правила справедливости».

⁷ Гражданский кодекс Египта 1948 г. / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Факультет права. Проектная группа «Современная конструкция международного частного права» // URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/080201> (дата обращения: 07.03.2026).

Иной подход к определению иерархии правовых норм демонстрирует законодатель Йемена. Согласно ст. 34 Гражданского кодекса Йемена «в случае, если в законах Республики отсутствует предписание, разрешающее вопрос коллизии законов, стоящий перед судом, подлежат применению общепризнанные нормы международного частного права, если они не противоречат нормам исламского права (шариата)»⁸.

Проведенный анализ позволяет заключить, что развитие международного частного права в незападных правовых порядках демонстрирует отсутствие единой модели рецепции и характеризуется глубоким синтезом национальных традиций с международными стандартами.

Китайская доктрина, пройдя путь от изоляционизма к политике открытых дверей, создала

самобытную теоретическую конструкцию («одно тело и два крыла»), в рамках которой происходит взвешенная китаизация заимствованных норм.

Латиноамериканская школа, воплощенная в Кодексе Бустаманте, предложила оригинальную юридическую технику классификации норм, позволившую универсальному акту органично действовать в различных национальных системах на протяжении века.

В свою очередь, мусульманские правовые порядки (на примере Египта) демонстрируют возможность органичного включения европейских коллизионных конструкций в систему, где высшую иерархическую силу сохраняют принципы шариата.

Таким образом, ключевой закономерностью является не механическое копирование западных моделей, а их творческая адаптация, при которой международные стандарты выступают инструментом для модернизации, но не вытесняют национальную правовую идентичность.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Сяо Юнпин. Важная веха в законодательстве Китая о международном частном праве [27.07.2012]. China law Society // URL: <https://www.chinalaw.org.cn/portal/article/index/id/21361/cid/136.html>.
2. Хэ Цишэн. Тридцать лет китайского международного частного права (1978—2008) // Международный юридический обзор CSSCI / Уханьский университет. — 2010. — № 1. — С. 251—275. — URL: <https://zk.faxin.cn/flqk/content.html?gid=f131307&libid=040103#remark33>.
3. Hu Minfei. An Analysis on the Law on Application of Law for Foreign-related Civil Relations and Its Judicial Interpretation. 2014 // URL: <https://dms.donga.ac.kr/bbs/lawlab/2259/37758/download.do>.

⁸ Гражданский кодекс Йемена 1992 г. / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Факультет права. Проектная группа «Современная конструкция международного частного права» // URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/070201> (дата обращения: 07.03.2026).